

«Никто не знал, что будет дальше...»

22 июня в России отмечают День памяти и скорби. Эта дата — начало жестокой и кровопролитной Великой Отечественной войны, навсегда перевернувшей жизни миллионов людей. О том, как этот день изменил судьбу простой юной девушки, вспоминает жительница Коммунара Апполинаруя Михайловна Москаленко.

«Как же я была рада, когда папа решил отправить меня учиться к родственникам в Ленинград! Я ведь никогда не была в большом городе, — рассказывает Апполинаруя Михайловна.

— Жили мы в Вологодской области, станция Харовская. Двадцать первого июня сорок первого года я уже была в поезде, который вёз меня в большой, неведомый мне город Ленинград. Спать легла поздно, долго сидела у окна и любовалась проплывающими за окном просторами страны». Рано утром пассажиров разбудил проводник, поезд уже подъезжал к Ленинграду. Заработало в вагоне радио. Сначала люди замерли в шоке, в вагоне наступила тишина, напуганные дети перестали капризничать. «Сегодня, 22 июня, в четыре часа утра фашистская Германия...» Люди спрыгивали с верхних полок, с недоумением переглядывались. «Вагон наполнился людским гомоном, женщины плакали», — со слезами на глазах рассказывает Апполинаруя Михайловна. Полина тётя жила на улице Черняховского, рядом с кладбищем. А рядышком, на поляне стояла воинская часть, пожилые солдаты которой запускали в небо аэростаты. «Защищаем небо Ленинграда!», — говорили солдаты детворе, которая всегда бегала рядом. Надежда на продолжении учёбы в Ленинграде рухнула, никто не знал, что будет дальше. А пока Полинка нянчилась с маленьким братиком.

«Однажды днём гуляли возле дома. Люди разговаривали только о войне, гадали, что с ними будет дальше. Все были уверены, что до Ленинграда немцы не дойдут. Откуда прилетел осколок бомбы, впившийся в землю в метре от моих ног? Двор наполнил такой резкий, неприятный запах». Люди разбежались. Убежала, схватив на руки братика, и испуганная Поля. Жила тогда тётиня семья в семейном бараке, несколько семей в комнате. Жили дружно, друг другу помогали. Полин папа присылал письмо за письмом, убеждая родных уехать из города. Писал, что фашисты в покое Ленинград не оставят. «Наконец тётя решилась обратиться в службы, которые занимались эвакуацией, и уже 14 августа мы были на Витебском вокзале, с Московского поезда уже не ходили. Нас ждала длинная дорога в Новосибирск». Провожал их дядя Полинки, которого отпустили из части проводить семью в эвакуацию. Кто знает, удалось бы им покинуть город, если бы дядю не отпустили попрощаться с семьёй. «Подшли к своему вагону, как сейчас помню, номер девять. Большая, белая цифра на вагоне. Дядя нёс вещи. Их было мало, разрешали брать только самое необходимое. Берегли место для людей. У вагона стоят три офицера с голубыми петлицами: «Вагон занят!». Дядя побежал в комендатуру и вскоре к вагону подошли офицеры выше званием. Те, кто не пускал

нас в вагон тут же ушли. В большущем, с крашеными стенами вагоне оказалось только три женщины еврейки и один ребёнок. Жёны тех трёх офицеров. Вскоре вагон заполнился людьми, оказались здесь и наши земляки», — продолжает рассказ Апполиария Михайловна.

Поезд тронулся в путь только поздно ночью. Полина стояла у открытой двери и смотрела на город, прощаясь с так и не сбывшейся мечтой об учёбе в большом и красивом городе. Конец августа, не видно было ни одного огонька, полная пугающая темнота окутывала город. «Ехали очень медленно, пропуская военные эшелоны. Только днём состав дотащился до Мги. Внезапно раздались прерывистые гудки нашего паровоза, машинист давал сигнал воздушной тревоги. Люди кубарем скатывались по высокой, усыпанной камнями насыпи вниз и бежали подальше от состава. Мы с земляками не успели выбежать из вагона. Как побежишь с детьми на руках? Я посмотрела вверх и увидела, как из-за леса вылетел наш ястребок. Ярко жёлтый самолёт с красными звёздами на крыльях. Закричала: «Наши, свой!». Люди долго возвращались в вагоны, многие поранились об острые камни на насыпи. Почти час ждали женщину, чей ребёнок остался один в вагоне. Так и не дождалось, долго стоять состав не мог. На подъезде к Волховстрою поезд шёл по дуге, и в открытую дверь вагона Поля увидела дрезину, догонявшую поезд. На дрезине сидела та самая женщина, которая отстала от поезда. Какими же долгими показались людям те четверо суток, которые полз их состав до Вологды. Здесь и решили остаться все вологодские земляки. Своя родная земля, свои люди не дадут пропасть. А что ждёт там, в далёком Новосибирске, никто не знал. Дождались все три семьи так называемый тогда дачный поезд, и доехали до своей станции Харовская. «Меня отправили пешком, за пять километров от станции до дома отдыха, где тогда работали и жили мои родители. Дом отдыха к тому времени стал эвакогоспиталем. Мама там работала поваром, а папа руководил пожарной охраной. Сколько было радостных слёз при встрече! Папа запряг лошадь и вскоре все эвакуированные из Ленинграда были дома. Тётя устроилась на работу санитаркой», — продолжает делиться воспоминаниями о таком непростом детстве Апполиария Михайловна.

Вскоре отца призвали на фронт. «Езжайте все в деревню, здесь одним вам не выжить. Там своя земля, прокормитесь. Здесь даже травы на всех не хватит», — на всю жизнь запомнила папины слова Полинка. Проводили отца на войну, и мама пешком отправилась в деревню просить лошадь, чтобы перевезти семью со станции, да и привести в порядок дом. Дома там высокие, с подвалами. Приехали в деревню. Как начинать жизнь, ничего ведь нет. Мама продала отцовы вещи, купили немного картошки. Все семьёй пошли работать в колхоз. Мужчины, двадцать восемь человек из колхоза, ушли на фронт. Так что работа нашлась всем. Братика одиннадцати лет поставили пахать. Плуг тяжеленный, день поработал и больше не смог. Назначили его возчиком. Возил на телеге сданное селянами молоко за четыре километра на молокозавод. Бидоны снять с телеги помогали женщины». Да и плуг на пашне тащили женщины. Всех хороших лошадей забрали на фронт, а план и налоги никто не отменял. Хочешь или нет, а сдай в РАЙЗО сто пятьдесят литров молока, да три десятка яиц. Шерсти четыреста грамм, да мяса восемьдесят килограмм. Что уж говорить про помощь фронту, старались люди как

могли. Недоедали и недосыпали, чтобы помочь своим солдатам на фронте. Вот и землю пришлось пахать на себе, ведь только один трактор остался на весь сельсовет, остальные забрала война. Женщины сами шили какие-то шлеи и мягкие матерчатые ленты, чтобы легче было тащить плуг. Впереди становилась самая из них сильная, а сзади по бокам ещё по паре женщин. За плугом шла молодая девушка. Она ещё в шутку и покрикивала на «лошадок», этак по-мужски, с матерком. «Доходили до края поля и падали на землю от усталости. И всё равно шутили про жизнь бабскую, «лошадиную». Поле шло под уклон, и пахать начинали там, где уже просохло. Ждать пока высохнет всё, было некогда. Фронт ждал хлеба», — делится воспоминаниями уважаемая Апполинария Михайловна. «Прислали однажды в деревню уполномоченного по заготовкам, из Ленинграда. Откормленный, красномордый мужик, а ведь ещё и блокада была не снята. Приехал разбираться с теми, кто не сдал налоги. Баранов из хлева у людей во двор как дрова выбрасывал. Разные были люди в войну. Кто ради Победы был готов сутками работать, а другой... Председатель сельсовета стал подворовывать, солдаток любовницами делал. А куда им деться, коль дома дети голодные плачут. Успел сбежать куда-то в Ленинградскую область. Знал, что вот-вот мужики начнут с фронта возвращаться». Довелось молоденькой Полине поработать и на лесоплаве. Жили все вместе в одном бараке. И девушки, и парни, и люди постарше. Все вместе, никаких перегородок не было. Становились в кружок девчата и по очереди переодевались. В центре стояла большая круглая печка с пристроенной плитой. На ней и готовили еду, если было из чего готовить. Вдоль всего барака была натянута верёвка, на которой сушили одежду. Духота, сырость и куча народа не давали нормально отдохнуть. А утром надо было снова таскать тяжеленные брёвна на погрузку. Несли втроём. И тут было важно не подставить плечо в середине бревна. Если оступался кто-то из крайних, весь вес бревна давил на того, кто был в центре. Позже Полину и ещё одну девочку поставили принимать брёвна в вагоне. «Тут уже было чуть легче.

Сейчас думаешь, и как мы всё это выдержали? Худые, голодные пятнадцатилетние девчушки ворочали тяжеленные сырые брёвна», — оглядывается в прошлое моя собеседница. Председатель приехал домой к Поле поздно вечером. Забирают на фронт счетовода, а ты, мол, у нас в деревне самая грамотная, приступай к работе. Оставил ключи и уехал. «Поохала-поохала, поревела, да и начала разбираться. А куда деваться! Разобралась, помогла найденная в документах старая дядина тетрадь. Он когда-то работал счетоводом и записывал, как и что надо делать. Сдала годовой отчёт без ошибок и меня даже похвалили. И людей принимала в конторе. Шли узнать, много ли уже взяли зерна в кладовой, и останется ли что-нибудь на расчет. Голодали люди, всё отдавали фронту», — продолжает рассказывать моя собеседница.

Недолго поработала Полина в конторе, прислали раненого на фронте мужчину и на общем собрании предложили поставить его счетоводом. Не хотели люди отпускать с этой должности Полинку, да сама отказалась. Снова работала наша героиня на земле. Ещё успевала и самодеятельность организовать в колхозе и комсомольскую ячейку смогла создать. В заброшенном гумне сколотили сцену и выступали перед своими земляками. Люди шли на концерты с удовольствием, это

была отдушина в череде тяжких трудовых дней. Не удержался от соблазна поживиться и новый счетовод. Взял своей семье слишком много зерна. Люди жили впроголодь, а тут такое. Не промолчали люди и вскоре приехали к счетоводу с обыском. Больше его в деревне не видели. А Поинка снова стала работать счетоводом.

«Стало чуть легче, когда мамины родственники дали нам двух козочек. Вырастили мы их, одну обменяли на овечку. И тоже получили приплод. Смогли купить тёлочку, и уже к концу войны у нас была своя корова. Молочко, сметанка и творожок на столе появились», — улыбнулась впервые за всё время нашей беседы Апполинурия Михайловна. Помнит всю жизнь моя собеседница и вкус пахнущих дымом галет, которыми её угостила женщина на станции Харовская. «Раздался гул и со стороны леса вылетели два большущих зелёных с крестами на крыльях самолёта. Все бросились бежать. Разбомбили состав с махоркой и галетами. Самолёты улетели, а люди стали собирать рассыпанную махорку и пачки с галетами на земле у разбитых вагонов. Вот тогда и угостила голодную Полюшку галетами женщина, шедшая навстречу с двумя связанными из платков тюками. Война шла к концу, а писем от папы всё не было и не было. «Я говорила маме, что папа жив и обязательно вернётся. Мы обе в это верили, ведь мы так его ждали! 19 августа — Спасов день мы не праздновали. В гости не ходили, и сами не принимали. Нечем гостей угощать. Была в этот день я дома одна, мама работала где-то во дворе. Вошла в дом папина двоюродная сестра, работающая почтальоном. Принесла похоронку на папу», — и снова глаза наполняются слезами, пропадает голос.

Девятого марта одна тысяча девятьсот сорок третьего года отец Апполинурии Михайловны Москаленко погиб под Ленинградом. Ей, в отличие от тысяч и тысяч потомков тех солдат, что пропали без вести в годы войны, известно, где похоронен отец. Спасибо Вам, уважаемая Апполинурия Михайловна! Дай Вам Бог сил и здоровья!

Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 24 (819) 21 июня 2018 г.